

Честно говоря, первое впечатление Гун Цзе о Ли Чжи было, мягко говоря, скверным.

И винить её в этом не стоило. Одно клеймо «бастарда» заставляло людей брезгливо кривиться, а школьные сплетни вокруг парня не утихали ни на день. Гун Цзе не была злой по натуре, но и тратить душевное тепло на каждого встречного не собиралась. Ли Чжи вечно притягивал к себе неприятности, так что она благоразумно держалась от него подальше.

В школе Гун Цзе буквально купалась в чужом обожании, но в действительности их семья держалась на плаву лишь благодаря гонконгской ветви — по-настоящему влиятельным был её двоюродный дядя. А здесь, на материке, сильный дракон далеко не всегда мог одолеть местного змея. Отцу Гун Цзе стоило невероятных усилий закрепиться на этом жестоком, готовом сожрать любого рынке города S.

Чтобы помочь отцу расширить бизнес, девушке приходилось крутиться, заводить нужные знакомства и без конца улыбаться нужным людям. Самой Гун Цзе эта фальшь до смерти надоела. Сверстники любили лишь её идеальную маску, которую она никак не могла сбросить ради блага семьи. В свои шестнадцать лет она безумно устала и всей душой жаждала самой обычной, искренней дружбы.

Тот день, когда она увидела плачущего Ли Чжи, врезался ей в память. Гун Цзе тогда буквально оцепенела. Ей показалось, что даже стоявший позади неё Чу Минчжан застыл в секундном замешательстве. Впрочем, ничего удивительного — Ли Чжи рыдал навзрыд, глухо и отчаянно.

Она робко спросила, не нужна ли ему салфетка. Ли Чжи не ответил, лишь беззвучно содрогался всем телом, уткнувшись лицом в колени.

Именно тогда в груди Гун Цзе впервые шевельнулась щемящая жалость к этому парню.

Накануне она напекла целую гору домашнего печенья. Одна упаковка оказалась лишней, и Гун Цзе, сама не зная почему, вспомнила про Ли Чжи и решила отдать её ему. Она не ждала ответного жеста. Меньше всего она рассчитывала обнаружить в пакете с ответным сувениром короткое письмо.

На листке было всего несколько строчек: «Гун, спасибо тебе большое. Печенье было невероятно вкусным, я никогда в жизни не пробовал ничего подобного. Пожалуйста, прими этот скромный подарок, надеюсь, он тебе понравится. Спасибо. Огромное спасибо».

Чуть ниже виднелся зачеркнутый абзац, где он, по-видимому, пытался поблагодарить её за те самые салфетки, но стёр написанное, побоявшись показаться слишком навязчивым.

Вчитываясь в эти неровные строчки, Гун Цзе вдруг отчетливо поняла: Ли Чжи совсем не такой, каким егоставляли в школьных кулуарах. Совершенно другой.

Перед ней был глубоко несчастный, одинокий, загнанный в угол мальчишка... И его глухое одиночество внезапно отозвалось в её собственном сердце.

Сначала они просто вместе обедали. Потом начали перекидываться парой слов на переменах, а во время уроков — строчить друг другу записки. Так Ли Чжи постепенно узнал о её жизни. Оказалось, у Гун Цзе есть старший брат, но он разругался с родителями из-за их взглядов на бизнес, и теперь отец возлагал все надежды исключительно на неё. Из-за этого её заставляли зубрить кучу бесполезных дисциплин, хотя сама она грезилась только скрипкой.

Ещё она призналась, что её частые прогулки с Чу Минчжаном — вовсе не романтические свидания, как судачили одноклассники. Они оба играли в школьном симфоническом оркестре и просто ходили на репетиции.

Гун Цзе занимала место первого пульта вторых скрипок, а Чу Минчжан был ведущим контрабасистом. Ли Чжи почему-то очень хотелось расспросить её о молчаливом парне подробнее, но разговор быстро перескочил на другую тему — на их концертмейстера, в которого Гун Цзе была тайно влюблена.

— Он так потрясающе играет на скрипке... — вздыхала она. — И такой вежливый...

— А на чём сложнее играть? На скрипке или на контрабасе? — поинтересовался Ли Чжи.

— И он такой красавчик...

— У тебя есть его фото?

— Я побоялась снимать его втихую, — Гун Цзе слегка покраснела. — Есть только общая фотография всего оркестра.

— Покажи.

Гун Цзе послушно полезла в телефон. Стоило Ли Чжи наклониться к экрану, как их парту сотряс резкий толчок. Край столешницы с силой врезался парню прямо в грудь, так что в глазах на мгновение потемнело от боли.

Ли Чжи со стоном поднял голову и наткнулся на недобрый, прищуренный взгляд стоявшего перед ним парня. Тот стоял, высокомерно скрестив руки на груди.

— Ван Кайсюань, у тебя что, глаз на затылке нет? — раздраженно прикрикнула Гун Цзе, поспешно поднимая свалившиеся на пол вещи. От удара её парта тоже ощутимо съехала в сторону.

В параллели Ван Кайсюань пользовался немалым авторитетом. Его семья, хоть и не могла тягаться с могущественной троицей Чжоу, Ханя и Чу, всё же прочно удерживала позиции в высшей лиге. Даже заносчивый Чжоу Баюй при встрече выказывал ему толику уважения.

Из-за этого Ван Кайсюань привык мнить себя пупом земли. Впрочем, обычно такие спесивые господа попросту не замечали подобных Ли Чжи изгоев.

Если только те не переходили им дорогу.

И надо же было такому случиться, что между Ван Кайсюанем и Гун Цзе уже давно пробежала черная кошка. В самом начале семестра тот пытался за ней приударить, но получил жесткий отворот-поворот. Избалованная родительским вниманием Гун Цзе не церемонилась: её капризный нрав и пара едких фраз навсегда отбили у ухажёра желание приближаться.

Ван Кайсюань, конечно, отступил — унижаться он не привык. Но уязвленное самолюбие требовало выхода. И теперь, видя, как неприступная красавица мило воркует с жалким бастардом, он расценил это как личное оскорбление.

«Это что же получается, я даже этого ублюдка хуже? Она мне в лицо плюет?»

— крутилось в его голове. Разве мог он такое стерпеть?

— Сам ослеп?! — Ван Кайсюань пошел в атаку первым и с силой пнул ножку стола Ли Чжи. — Выставил свою колымагу на весь проход, не пройти!

Коридор между рядами был настолько широким, что там без труда разминулись бы двое упитанных парней вроде Ван Кайсюаня. Наглый навет был шит белыми нитками — парень просто искал повод сорвать злость на Ли Чжи. Гун Цзе вспыхнула и резко поднялась с места:

— Хватит врать! Сейчас же извинись перед Ли Чжи!

— Ты что несешь? — Ван Кайсюань угрожающе нахмурился. — Повтори-ка?

— Я говорю: извинись перед ним! Ты не у себя дома, чтобы творить что вздумается!

— Да твою мать! — Вспыльчивый Ван Кайсюань окончательно слетел с катушек. Он картинно закатал рукав и ткнул пальцем в сторону Ли Чжи: — Извиняться перед этим вырождением? Гун Цзе, ты совсем с ума сошла?

Тут он издевательски хмыкнул:

— Надо же быть настолько неразборчивой в связях. Тебя саму от этого ублюдка не тошнит? Смерда кусок. Да я с ним могу делать всё, что мне заблагорассудится. Он мне просто не нравится, ясно тебе?

С этими словами он с размаху пнул парту Ли Чжи.

Металл скрежетнул по полу, издав пронзительный визг. Книги со столешницы лавиной хлынули на пол — вокруг парты образовался настоящий хаос.

Но Ван Кайсюаню этого показалось мало. Он замахнулся для нового удара. Ли Чжи от страха инстинктивно вжался в спинку стула и резко отодвинулся назад.

Это непроизвольное движение сыграло злую шутку: его парта задела стоящий позади стол.

Толчок был несильным, но лежащая на краю чужая ручка покатилась и с сухим стуком упала на пол.

Звук был тихим, почти незаметным на фоне поднятого шума, но класс мгновенно затих. Ван Кайсюань осекся, занеся ногу для очередного пинка, и медленно опустил её. На его лице отразилось явное замешательство.

За спиной Ли Чжи сидел Чу Минчжан.

Чу Минчжан скользнул взглядом по упавшей ручке, едва заметно нахмурившись. Ли Чжи замер на полувдохе, собираясь наклониться и поднять её, но парень опередил его — спокойно наклонился и поднял вещь сам. Ли Чжи неловко выпрямился, чувствуя себя виноватым, и пролепетал:

— Прости, пожалуйста...

— Шумно, — сухо перебил его Чу Минчжан. — Отодвинься вперед.

Ли Чжи поспешно притянул парту обратно на место, возвращая её в исходное положение. Ван Кайсюань, растеряв весь свой запал, нехотя буркнул дежурное «мы ещё поговорим» и поспешил ретироваться под шумок.

Ли Чжи облегченно перевел дух. Гун Цзе тут же обеспокоенно наклонилась к нему:

— Ты как, в порядке?

— Да, всё нормально, — Ли Чжи попытался улыбнуться, но из-за отросшей челки, закрывавшей

пол-лица, улыбка вышла смазанной.

— Слушай, тебе действительно пора постричься, — заметила Гун Цзе, помогая ему собирать разбросанные учебники. — Мы общаемся уже столько времени, а я до сих пор толком не видела твоего лица. У тебя какое зрение?

— Минус один на обоих глазах, — тихо ответил Ли Чжи.

— И зачем при минус одном носить очки? — изумилась девушка. — У меня на одном глазу полтора, на другом два, и я прекрасно обхожусь без них. Мы же сидим практически перед доской!

Ли Чжи смущенно замялся:

— Ну... я просто привык. И вообще, так спокойнее. Не люблю, когда на меня смотрят.

— Да чего тут бояться? — рассмеялась Гун Цзе, окинув взглядом его бледные, тонкие руки, выступающие из-под коротких рукавов футболки. — Кожа у тебя вон какая белая, вряд ли под волосами скрывается урод.

Она легонько подтолкнула его локтем:

— После октябрьских праздников начнутся уроки верховой езды и гольфа. Если не сострижешь эти заросли, просто сvariшься на солнце.

«Наверное, и правда стоит немного прибраться на голове...»

— подумал он, нерешительно коснувшись челки.

Гун Цзе лишь покачала головой и вернулась к прерванному делу. Разблокировав экран телефона, она снова открыла ту самую групповую фотографию и ткнула пальцем в высокого парня, стоявшего прямо по центру первого ряда:

— Ну посмотри же! Скажи, ведь он просто невероятный красавчик?

Ли Чжи послушно прищурился, вглядываясь в пиксели, а затем честно признался:

— По-моему, ничего особенного. Самый обычный.

Гун Цзе разочарованно надула губы:

— Да что ты понимаешь! Он супер красивый, просто на фото вышел неудачно.

— Но ты-то на снимке получилась отлично. И Чу... — Ли Чжи невольно указал на стоявшего рядом парня, но осекся на полуслове, почувствовав, как горло сковало странным спазмом.

Гун Цзе проследила за направлением его пальца. В тот момент она не уловила той едва заметной перемены, что произошла в голосе друга при упоминании этого имени. Девушка равнодушно пожала плечами и убрала телефон:

— А этот-то тебе зачем? Вечное каменное изваяние... Зато на снимках всегда получается как надо, хоть в рамку ставь.

Ли Чжи промолчал, незаметно сжав пальцы в кулаки. Гун Цзе то приближала, то отдаляла картинку, так и не заметив, насколько напряженной стала его поза.

— Всё равно он чертовски хорош, — вздохнула она, глядя на экран.

— Да, согласен, — послушно кивнул Ли Чжи, постаравшись вложить в свои слова как можно больше искренности.

В пустом списке контактов Ли Чжи в WeChat наконец-то появился первый друг — Гун Цзе.

На октябрьские праздники она улетела в Монреаль, чтобы повидаться со старшим братом, который со скандалом ушел из семьи.

«Хоть бы он одумался и вернулся заявить права на наследство», — делилась она своими переживаниями в переписке.

«А ты куда-нибудь едешь на праздники?» — поинтересовалась она.

— Я? Нет, никуда, — ответил Ли Чжи. — Буду дома.

Ван Сяочунь снова уехала, на этот раз вместе с Чжоу Госюнем. Похоже, с тех пор как она начала вникать в дела компании, свободного времени у неё совсем не осталось. Ли Чжи не знал, радоваться этому или нет.

Когда мать была дома, её тяжелое, давящее присутствие лишало его покоя, заставляя стены этой огромной виллы сжиматься вокруг него душным кольцом. Но теперь, оставшись в абсолютном одиночестве, он остро почувствовал, как его накрывает волна липкой тоски.

Как ни крути, Ван Сяочунь была единственным близким ему человеком в этом чужом городе.

— Да ладно? Тебе там скучно не станет? У нас же весь класс разъехался кто куда, — написала Гун Цзе.

— Не знаю, — ответил Ли Чжи.

— Странно. В общем чате только об этом и пишут. Кое-кто даже собирался вместе на аукцион.

— Я не в курсе, — набрал Ли Чжи. — Меня нет в этом чате.

Спустя минуту экран его телефона взорвался лавиной уведомлений.

Гун Цзе без лишних слов добавила его в общий чат класса. Ли Чжи даже не успел сменить никнейм, как кто-то уже спросил:

— Гун Цзе, это кого ты притащила?

Ответ последовал незамедлительно:

— Ли Чжи.

После этих слов оживленная беседа мгновенно сошла на нет. Чат словно вымер. Лишь спустя пару минут один из парней отправил одинокий вопросительный знак.

Это был верный прихвостень Ван Кайсюаня, так что церемониться с ним Гун Цзе не стала.

— А что такого? Мы все учимся в одном классе. Почему бы ему здесь не быть? — парировала она.

— Ну ты даешь, — прилетел ответ.

Следом посыпались саркастические «Мощно» и «Красиво» от других приятелей Ван Кайсюаня. Тон сообщений сквозил откровенной издевкой. Вся банда Кайсюаня дружно вылезла позубоскалить, в то время как сам зачинщик хранил высокомерное молчание.

Ли Чжи прекрасно знал, что Ван Кайсюань злопамятен и мелочен. Их недавняя стычка закончилась тем, что заступничество Чу Минчжана сорвало Кайсюаню триумф, оставив в его душе глубокую обиду.

И теперь этот нарыв вскрылся снова. Гун Цзе демонстративно втащила изгоя в их круг у всех на виду.

«Она что, издевается надо мной? Показывает всем, что прикрывает этого нищebroда, лишь бы мне насолить?»

Чем дольше он молчал в чате, тем сильнее закипал внутри.

Ли Чжи почувствовал, как к горлу подступает знакомый липкий страх. Он быстро написал Гун Цзе в личные сообщения:

— Может, не надо? Мне правда необязательно там быть. Жил же я как-то без этого чата.

— Еще чего! — отрезала Гун Цзе. — То, что они тебя игнорируют, изначально неправильно. Ты классный парень, совсем не такой, как о тебе треплются. Просто им нужно узнать тебя получше!

Ли Чжи понимал, что Гун Цзе искренне считает его своим другом. Окруженная родительской заботой и выросшая в тепличных условиях, она была полна благородных порывов и не всегда понимала, каково это — быть на самом дне. Её вела простая, наивная цель: помочь ему влиться в коллектив.

Гун Цзе уже приготовилась разразиться гневной тирадой в общем чате, чтобы раз и навсегда поставить на место обнаглевших парней. Но не успела она набрать первое слово, как на экране высветилось новое сообщение.

[Z: Добро пожаловать.]

<http://bllate.org/book/20441/2115496>